

С. С. Бодрунова¹

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АВТОНОМИЯ МЕДИАСИСТЕМЫ И ЕЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ: ОПЫТ СТАБИЛЬНЫХ ДЕМОКРАТИЙ

В западной демократической теории одной из семи ключевых предпосылок демократического строительства является доступ граждан к альтернативным источникам информации [1, с. 221–222]. Основным поставщиком информационного продукта в развитых странах является медиасистема; таким образом, базовым условием роста качества демократии становится медиаплюрализм. Поэтому в медиазаконодательстве стран Евро-Атлантического региона, в том числе на уровне надгосударственных образований (в первую очередь ЕС), политическое медиаразнообразие [2] напрямую увязано с экономическими аспектами развития медиарынков.

Медиаплюрализм с подачи законодателей ЕС сегодня принято делить на внутренний (редакционный и авторский) и внешний (рыночный) [3]. Редакционный и авторский плюрализм заключается в нескольких положениях, реализующих редакционные и авторские свободы. Во-первых, медиазаконодательство обеспечивает редакции автономность в решениях и ее независимость от рекламодателя и политических сил в принятии решений о том, что публиковать и какие рамки интерпретации задавать. Считается, что только в таких условиях реализуются основные общественно-политические функции журналистики: отбор новостей, формирование картины мира, создание общего социального референтного поля и контекстуализация событий. Эти функции реализуются за счет таких редакционных механизмов фильтрации и обработки новостного потока, как установка повестки дня (agenda-setting, [4, 5], «привратничество» gatekeeping, [6, 7] и фреймирование framing, [8, 9]). В совокупности эти механизмы имеют своим итогом иерархизированный по значимости, актуальности и релевантности аудитории поток событий в рамках повестки дня, помещенный в интерпретационные контексты и когнитивные рамки. Конечно, при реализации данных механизмов на редакционном и авторском уровнях формируются естественные, так называемые *структурные искажения* (structural biases) в повестке дня и ее интерпретации [2, 10], обусловленные индивидуальными особенностями авторов (их кругозором, интерпретативным потенциалом, политической позицией, культурными предпочтениями и др.), сложившейся структурой редакции, отношениями внутри коллектива и т.д. Однако демократическая теория мирится с наличием таких неизбежных структурных искажений при условии, что они являются естественными, т.е. формируются в отсутствие внешнего давления. Во-вторых, внутренний плюрализм подразумевает, что и сам автор внутри редакции также свободен от редакционного давления. В идеальной модели внутреннего плюрализма внутри редакции складывается плюральная атмосфера политических взглядов, а на страницах издания (или в эфире) доминирует понимание журналистского профессионализма, ориентированное на журналистский продукт как пространство «третьей инстанции», т.е. подъем редакции «над схваткой» и предоставление разных точек зрения, чтобы медиапотребитель мог сформировать собственный взгляд на вопросы повестки дня исходя из множественности представленных мнений и оценок. Результатом плюрализма внутри редакции является разнообразие мнений внутри одного выпуска медиaproдукта.

---

¹ Светлана Сергеевна Бодрунова, зав. кафедрой медиадизайна и информационных технологий института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» СПбГУ.

Внешний медиаплюрализм — это политическое разнообразие, рассматриваемое на уровне медиасегмента (например, газет) или медиарынка в целом. На первый взгляд, внешний плюрализм строится на той же предпосылке, что и внутренний: он тоже подразумевает, что на медиарынке нет доминантной политической позиции. Но на уровне медиасегмента это означает, что редакции внутри него (например, газетные редакции) свободны в выборе позиции, которую они могут представлять в своем контенте: от жестко партийной до нейтральной, в случае партийной — от коммунистической до монархической, а также по другим осям политического спектра. Таким образом, читатель газет может сформировать собственный взгляд на события путем потребления не одного издания, а нескольких, в идеале — всех. В основе рыночного плюрализма лежит иное понимание профессионализма в журналистике, которое, в отличие от парадигмы арбитража («третьей стороны»), основано на принятии возможности продвижения (адвокатирования, выступления в поддержку) тех или иных политических интересов перед остальным обществом и перед индивидуальным читателем [11]. Важным свидетельством того, что парадигма адвокатирования не менее ярко представлена на рынках СМИ, чем парадигма арбитража, является наличие партийной прессы во многих странах мира. Партийная пресса — одно из проявлений политического параллелизма в СМИ [12], т.е. механизма репрезентации (иногда — «отзеркаливания») той или иной степени кривизны) политического спектра в медиасистеме.

Из такого «двойного» понимания плюрализма проистекает несколько следствий.

Во-первых, несмотря на общие предпосылки, *на практике развитие внутреннего медиаплюрализма противоречит развитию внешнего*, и наоборот. Если в редакциях развивается внутренний плюрализм (внутреннее разнообразие мнений), то не остается места партийности на редакционном уровне. В нормативном представлении внутренний и внешний плюрализм являются взаимоисключающими: чем выше степень внешнего плюрализма на рынке, тем скорее редакции склонны принимать партийную позицию, а значит — тем меньше плюрализма будет в редакционном контенте. Однако и в ЕС, и в отдельных странах евроатлантического бассейна медиазаконотворчество направлено на развитие и одного, и второго типа плюрализма в СМИ. Это делается для снятия обозначенного противоречия через обеспечение «многомерного» плюрализма, при котором основу медиасегмента составляют СМИ, исповедующие внутренний плюрализм и, таким образом, тяготеющие в среднем к центру политического спектра с небольшими отклонениями от нуля, а партийная пресса или партийно-ориентированные программы в основном обеспечивают представительство в публичном диалоге нишевых, фланговых и single-issue партий (т.е. партий «одного вопроса повестки дня», например Партии пиратов). Государственные субсидии в поддержку партийной прессы направлены именно на такое понимание многомерности политического плюрализма в газетном секторе.

Во-вторых, *внутренний плюрализм с большей вероятностью дает возможность аудитории формировать взвешенную позицию, чем плюрализм внешний*, поскольку индивидуальный потребитель с большей вероятностью прочтет одно издание, чем несколько. Так практика медиапотребления опровергает (как минимум, частично) идеалистические представления о публичной сфере как «рынке идей» (marketplace of ideas), где достаточно представить аудитории набор идей и мнений, а каждый из медиапотребителей сможет на этой основе составить собственное представление о повестке дня и путях решения текущих вопросов. Физические, технологические и экономические ограничения, естественным образом возникающие при медиапотреблении, склоняют чашу весов в пользу внутреннего плюрализма. Но если пристальнее всмотреться в структуру политических предпочтений национальной европейской прессы, то мы увидим, что в сегменте крупнейших ежедневных газет складывается интересная картина. В Германии, Великобритании, Франции, Италии наличествует несколько (от двух до четырех-пяти) доминирующих изданий, каждое из которых признается одновременно нейтральным (т.е. соблюдающим нормы плюрализма внутри

редакционного контента) и при этом тяготеющим к позиции одной из крупных нерадикальных партий (см. таблицу).

Традиционные политические пристрастия крупнейших качественных газет европейских стран

Партии	Великобритания	Германия	Франция	Италия
Консервативные	The Daily Telegraph	Frankfurter Allgemeine Zeitung	Le Monde	La Stampa
Либеральные/ центристские	The Guardian	Sueddeutsche Zeitung		Il Corriere della Sera
Леволлиберальные / социал-демократические			Le Figaro	La Repubblica

На наш взгляд, в случае формирования «притяжения» к крупным партиям в отсутствие прямой партийности (партийной принадлежности или заявленной постоянной позиции) действуют две противоположные экономические силы. С одной стороны, развитие качественной прессы в Европе и США в период до Первой мировой войны показало, что внутренний плюрализм — залог долговременного доверия аудитории [13], а значит, возможности выживания за счет рекламных поступлений в отсутствие постоянного спонсора (чаще всего политического). То есть, при достаточной степени развитости рекламного рынка создание фундамента доверия аудитории означает, что редакция перестает зависеть от капризов собственников, политиков и третьих сил, превращаясь из адвоката в арбитра. Поэтому внутриредакционный плюрализм, говорящий о независимости источника информации, выгоден для выживания издания в долговременной перспективе. Не менее важны с маркетинговой точки зрения формирование уникального торгового предложения и отстройка от конкурентов. В условиях снятия партийности исчезает важнейший параметр формирования собственного лица издания и связи с аудиторией, которая до 1970-х гг. оставалась по преимуществу партийной. Поэтому постепенно сформировались политические предпочтения, не выходящие за пределы условного «круга больших партий» в каждой из стран: это позволяло одновременно сохранять «средневзвешенный» умеренный политический взгляд редакции в целом, право журналистов на несогласие с мнением редакторов и в то же время — отчетливое политическое лицо издания, особенно ярко проявляющееся в предвыборные периоды [14].

Третьим следствием является то, что медиаплюрализм в обеих формах требует принципиального условия — *политической автономии при выборе позиции*, будь то выбор нейтралитета или выбор поддержки какой-либо части политического спектра. Таким образом, экономически (достаточный уровень дохода редакции) и политически (законодательные барьеры на пути вмешательства в редакционный процесс) обеспеченная политическая автономия автора и редакции — единственная возможность получить плюрализм контента «на выходе» (у потребителя). Три уровня медиаплюрализма: авторский, редакционный, системный/сегментный — могут быть обеспечены только при соблюдении этого ключевого условия развития медиасистемы или хотя бы данного медиасегмента. Базовым фактором формирования политической автономии выступает *экономическая автономия медиасистемы*, т.е. ее способность выжить при данных рыночных условиях и не зависеть от финансовой поддержки со стороны системно-политических акторов (государства) и отдельных акторов политического режима (партий, политиков, групп давления и др.). Здесь ключевыми факторами выживания признаны развитость доступного рекламного рынка и наличие массовой аудитории для медиапотребления. С учетом сказанного ясно, почему

системная экономическая автономия медиасистемы описывается как залог ее политического здоровья и даже положена некоторыми исследователями в основу типологизации медиасистем как критерий [11].

В подобной системе, однако, возникает иной тип зависимости для медиапредприятий — зависимость от крупных рекламодателей. Так, многие исследователи и представители медиаиндустрии разных стран отмечали еще в прошлом веке снижение числа и качества журналистских расследований о деятельности крупных промышленных корпораций. Однако такая зависимость признается современной теорией демократии менее опасной, чем политическая несвобода редакции.

Формирование медиаплюрализма в Евроатлантике шло достаточно долго и продолжается, например на уровне ЕС, до сего дня. Развитие парадигмы арбитража, невозможное в XVIII в. по экономическим причинам, стало возможным в XIX в. в силу появления массового грамотного населения с потребностью в чтении и осмыслении актуальных событий (социально-образовательный фактор), развития технологий массового тиражирования (технологический фактор), налаживания системы распространения периодики (инфраструктурный фактор) и появления модели двойной конверсии контента, т.е. одновременной «продажи» аудитории издания рекламодателю, а контента — потребителю (экономический фактор). С 1830-х гг. во Франции, с 1870-х в Англии и с 1860-х в США начали развиваться форматы массовой периодики, направленные на нужды новой читающей аудитории: газеты среднего и нижнего рынка, т.е. таблоидная печать с ее деполитизацией и ориентацией на инстинкты социализации, страха, размножения. Но качественная журналистика в рамках прессы верхнего рынка также получила новые стимулы для развития, в частности, именно в этот период и она сменила партийность на арбитраж, сохранив ориентацию на общественно-политическую повестку.

Безусловно, верхний рынок является наименее рекламоемким; даже в наиболее развитых странах качественная пресса не всегда может выжить без вмешательства извне. Известен случай, когда британская «The Times» не выходила 348 дней, оказавшись в финансовой яме в 1990-е. Немецкая «Die Welt» существует (по завещанию издателя Акселя Шпрингера) за счет прибыли концерна, в том числе за счет таблоидных изданий, поскольку ее сохранение, по мнению создателя Axel Springer Verlag, является важным для публичной сферы Германии, и газета должна продолжать выходить, даже если будет полностью убыточной. Так поступают и скандинавские медиаконцерны, финансирующие качественную прессу за счет таблоидов, поскольку наличие качественного издания в портфеле концерна является, помимо прочего, еще и важной имиджевой характеристикой.

Казалось бы, нормативная теория доказала необходимость всестороннего развития медиаплюрализма в демократической политике. Но с данной проблематикой связана масса острых дискуссий, в том числе в последние десятилетия. Дело в том, что медиаплюрализм в уже сложившихся медиасегментах имеет свойство не нарастать (как можно было бы подумать исходя из идеи экстенсивного расширения медиарынка), а снижаться — в силу как естественных факторов, так и внешнего воздействия на медиарынок. К естественным факторам снижения плюрализма в газетном секторе в последние десятилетия можно отнести, например, растущую концентрацию и монополизацию на медиарынке, газетный кризис, возникший в силу целого комплекса причин [15, 16], и постоянное нахождение местной и партийной прессы на грани выживания. В этом контексте господства местной, региональной и партийной прессы воспринимаются, безусловно, позитивно — как фактор поддержки медиаплюрализма. Однако на примере телевидения и организации плюрализма в телесекторе ЕС было замечено, что государственная поддержка плюрализма вызывает ожесточенное сопротивление, поскольку воспринимается как вмешательство государства в естественную динамику рынка. В 1990-е гг. в медиаправе ЕС победил либеральный подход к регулированию медиаплюрализма, в том числе доминантных рыночных позиций при переходе на цифровое вещание [17]. Поэтому поиск границы, за которой государственное до-

тирование СМИ и государственная медиасобственность перестают быть механизмом поддержки медиаплюрализма и превращаются в политическое по своей природе вмешательство в медиарынок, является предметом актуального обсуждения как в медиатеории, так и в медиаиндустрии развитых стран.

Список литературы

1. *Dahl, R. A.* Democracy and Its Critics / R. A. Dahl. — New Haven (CT): Yale University Press, 1989.
2. *Voltmer, K.* Structures of diversity of press and broadcasting systems: The institutional context of public communication in Western democracies / K. Voltmer. — Berlin: Wissenschaftszentrum für Sozialforschung, 2000. URL: <http://bibliothek.wzb.eu/pdf/2000/iii00-201.pdf>.
3. Pluralism and Media Concentration in the Internal Market: An Assessment of the Need for Community Action. / Mission of the European Communities COM (92) 480 final. Commission Green Paper. — Brussels, 1992. — 23 December.
4. *McCombs, M. E., Shaw, D. L.* The Agenda-Setting Function of Mass Media / M. E. McCombs, D. L. Shaw // Public Opinion Quarterly. — 1972. — Vol. 36. — P. 176–187.
5. *Scheufele, D. A., Tewksbury, D.* Framing, Agenda Setting, and Priming: The Evolution of Three Media Effects Models / D. A. Scheufele, D. Tewksbury // Journal of Communication. — 2007. — Vol. 57. — P. 9–20.
6. *White, D. M.* The ‘gate keeper’: A case study in the selection of news / D. M. White // Journalism Quarterly. — 1950. — Vol. 27. — P. 383–391.
7. *Shoemaker, P. J.* Gatekeeping Theory / P. J. Shoemaker, T. P. Vos // New York: Routledge. — 2009.
8. *De Vreese, C.* News framing: Theory and typology / C. De Vreese // Information Design Journal + Document Design. — 2005. — Vol. 13, issue 1. — P. 51–62.
9. *Scheufele, D. A.* Framing as a theory of media effects / D. A. Scheufele // Journal of Communication. — 1999b. — Vol. 49, issue 1. — P. 103–122.
10. *McQuail, D.* Media performance: Mass communication and the public interest / D. McQuail // London, 1992.
11. *Hallin, D. C., Mancini, P.* Comparing Media Systems: Three Models of Media and Politics / D. C. Hallin, P. Mancini // Cambridge: Cambridge University Press. — 2004.
12. *Bodrunova, S. S.* Media-Political Parallelism as an Indicator in Studying Mediocracy / S. S. Bodrunova // International Symposium on Language and Communication 2012 Proceedings. — Book 6. — Izmir, 2012. — P. 941–956.
13. *Бодрунова, С. С.* Западная медиааксиология и либерально-демократический идеал работы СМИ / С. С. Бодрунова // Журналистика. Общество. Ценности / Ред.-сост. В. А. Сидоров. — СПб: Изд-во С.- Петерб. ун-та, 2012. — С. 94–169.
14. *Бодрунова, С. С.* Британские таблоиды в электоральном процессе: пример медиакратии или «слабая сила»? / С. С. Бодрунова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10 «Журналистика». 2013. Вып. 4. С. 55–74.
15. *Бодрунова, С. С., Озерова, Е. Г.* СМИ Великобритании в XXI веке // Современная зарубежная журналистика: глокализация в практике западноевропейских СМИ: учеб. пособие / С. С. Бодрунова, Е. Г. Озерова.: под ред. А. С. Пую. — СПб.: Издат. дом «Санкт-Петербургский университет», 2010. — С. 10–110.
16. *Литвиненко, А.* Газеты Германии в XXI веке: от кризиса к модернизации / А. Литвиненко. — М.: Товарищество научных изданий КМК, 2011.
17. *Harcourt, A.* The European Commission and regulation of the media industry / A. Harcourt // Media&Law. 1997. URL: http://www.medialaw.ru/laws/other_laws/european/e-eh.htm.